

Олицетворение как троп и фактор текстообразования

О. И. РЕВУЦКИЙ

Роль олицетворения в поэтическом творчестве исключительно велика. Это объясняется тем, что для всех других типов тропеического моделирования реальности этот приём является в известной степени базовым, поскольку развитие образного мышления человечества началось с эпохи атропоморфизма, когда представления древнего человека о самом себе распространялись на окружающий мир. Об этом говорит в своём исследовании Х. Ортега-и-Гассет, который рассматривает атропоморфизм как первую стадию в формировании метафорического мышления [1, с. 68-82].

В современной поэзии олицетворение, как и некоторые другие приёмы троповости, часто распространяется на весь текст. В таких случаях средства выражения олицетворения одновременно становятся репрезентантами текстовых признаков цельности, связности, адресованности и т. д. Языковые маркёры олицетворения выходят при этом на уровень текстового десигната (по другой терминологии – пропозиции), куда входит текстовый референт и текстовый предикат.

Целью настоящей статьи является рассмотрение приёма олицетворения на уровне целых поэтических текстов, которые могут квалифицироваться как тексты-олицетворения. В задачи исследования входит: а) установление семантических групп текстовых референтов; б) выявление наборов типовых, регулярно реализующихся в исследуемых текстах предикатов; в) определение способов моделирования человеческих отношений и человеческого поведения применительно к референтам-нелицам; в) установление особенностей структурно-смысловой и композиционной организации текстов-олицетворений, являющихся релевантными для их объединения в текстотипы.

Материалом для исследования послужили поэтические тексты-олицетворения (более пятисот), принадлежащие в основном поэтам, творчество которых имеет ярко выраженную тропеическую направленность: А. Блоку, В. Брюсову, М. Цветаевой, О. Мандельштаму, А. Ахматовой, Н. Заболоцкому, Л. Татьяничевой, А. Вознесенскому, Б. Ахмадулиной, С. Островому и другим.

В связи с тем, что олицетворение может пониматься по-разному, уточним, что рассматриваем его только как троп, т. е. как одну из разновидностей метафоры, отличительной чертой которой является принадлежность к модели «нелицо – лицо». При таком понимании олицетворение органично вписывается в систему других моделей метафоризации, таких, как «лицо – нелицо», «явление природы – живое существо (нелицо)», «отвлечённое понятие – материальный предмет» и т. д.

При этом за рамками исследования остаются нетропеические виды персонификации, как, например, в волшебных сказках, где отсутствует обязательное для тропа пересечение понятий и эффект смысловой игры. Хотя поведение сказочных персонажей-зверей своеобразно моделирует поведение людей, эти персонажи воспринимаются читателем только как «очеловеченные» животные, а любая деятельность декодирования, т. е. разгадывания загадок, восстановления скрытого основания сравнений при этом исключается. Разумеется, сказка и басня могут заключать в себе аллегорию, однако это уже троп иного рода, реализующийся только на уровне целого произведения, но не на уровне отдельных словесных элементов.

При исследовании текстов-олицетворений в мы исходим из того, что в рамках модели «нелицо – лицо» реализуются свои специфические особенности тексто- и тропообразования. Можно предполагать, например, что именно тексты-олицетворения отличаются наибольшим

разнообразием способов коммуникативной организации, что связано с абсолютным доминированием в лирической поэзии личностного начала. Такая особенность поэзии находит выражение в категориях Я-субъекта, ТЫ-субъекта и др. [2, с.469-479].

Анализ показал, что использование олицетворения в тексте имеет чётко выраженный моделированный характер. По семантической общности уподобляемых лицам текстовых референтов все рассмотренные тексты распределяются по нескольким, неодинаковым в количественном отношении группам,

Наиболее обширными являются системы текстов, сравниваемые элементы которых (текстовые референты) относятся к семантическим областям «понятия земной и водной поверхности и небесной сферой» (*степь, гора, земля, река, море, океан, небо, заря*); «стихийные силы природы» (*ветер, метель, дождь, пурга, снег*); «растительный мир» (*дерево, цветы, клён, берёза, трава, кустарник, черёмуха*) «понятия нравственной и интеллектуальной сферы» (*любовь, доверчивость, печаль, уступчивость, правота, долг, совесть*); «понятия, связанные с природными циклами и периодами человеческой жизни (*зима, лето, осень, весна, день, утро, вечер, ночь, старость, юность*), «место жительства, жилище» (*страна, родина, город, деревня, дом*), «человеческая речь, словесно-художественное творчество» (*слово, язык, поэзия, стих, песня, строка*).

На уровень текста выходит и олицетворение предметов материальной культуры (артефактов). Тематически такие наименования очень разнообразны: названия механизмов, машин, музыкальных инструментов, понятий транспортной сферы и др. Так, в одном из текстов В.Брюсова в качестве референта используется слово *шарманка*, у О.Мандельштама – слово *колокол*, у В. Маяковского – *скрипка*, у Н.Заболоцкого и Б.Слуцкого – *зеркало*, у Б.Ахмадулиной – *мотороллер, машинка*, у С.Ботвинника – *поезд*, у С.Острового – *башня, транзистор* и другие. Сравнительно небольшая часть текстов основывается на олицетворении животных и птиц.

Среди рассмотренных стихотворений наиболее распространены такие, референты которых относятся к первым четырём из названных семантических областей, что можно объяснить древними истоками такого рода переносов. Так, олицетворения понятий природы, растительного мира и области человеческих чувств и эмоциональных состояний широко представлены и в фольклоре, и в древних литературных памятниках, в частности, в «Слове о полку Игореве».

В системах выделенных текстовых референтов имеются семантически однородные подгруппы. Так, в области понятий небесной сферы функцию текстообразования регулярно выполняют слова, относящиеся к группе «небесные светила, планеты». Общее количество таких текстов в нашей картотеке составило тридцать восемь. Наиболее частыми текстовыми референтами являются слова *солнце, звезда, луна, земля*, что можно объяснить их высокой концептуальностью. Так, слово *солнце* употребляется в качестве референта в текстах А.Блока, О.Мандельштама, В.Маяковского, М.Цветаевой, Л.Мартынова, Л.Татьяничей, слово *звезда* – в текстах О.Мандельштама, В.Ходасевича, В.Высоцкого, В.Луговского, Л.Татьяничей, С.Острового, Л.Мартынова, *луна (месяц)* (у В.Брюсова, М.Цветаевой, А.Ахматовой, В.Маяковского, С.Есенина, Н.Матвеевой).

В сфере понятий, связанных с природными циклами, столь же чётко организованными и столь же часто используемыми в текстообразующей функции являются названия месяцев, времён года и понятий суточного цикла. В системе референтов, связанных с обозначениями населённых пунктов и жилищ, преобладает группа наименований городов.

Перейдём теперь к рассмотрению олицетворения на уровне реализуемой в тексте предикации. Выявление и описание типовых наборов таких предикатов считаем целесообразным проводить как в текстотипологическом ключе, так и в тропологическом, что предполагает установление порождаемых тропом олицетворение эффектов, разных градаций троповости и т.д.

Прежде всего сделаем оговорку, что к пониманию тропа мы подходим широко, видя истоки его образности в пересечении смыслов не только на уровне лексической семантики но и на уровне грамматики, прежде всего, синтаксиса в его коммуникативном преломлении. В выражениях нетропеического характера синтаксическая функция должна соответствовать

лексико-семантическим свойствам включаемых в данное выражение слов. Так, функцией простого адресата или собеседника в высказывании может быть наделено только лицо.

Если же такая роль приписывается референту-нелицу возникает грамматическая метафоризация, в русле которой реализуется троп-олицетворение. Условием троповости является здесь факт пересечения на уровне грамматической семантики, несоответствия лексико-семантических свойств имени его синтаксической функции. При этом следует заметить, что троповость в явном виде основывается всё-таки на пересечении смыслов, выражаемых лексически, поэтому наличие одной только грамматической «нестыкованности», не подкреплённой на уровне лексики, позволяет квалифицировать такую единицу как троп с известной долей условности.

Исследование олицетворения в текстовом ракурсе в полной мере выявляет специфичность характерного для данного приёма коммуникативного и синтаксического оформления. Во многих случаях объект олицетворения выступает в функции адресата, обозначаемого с помощью местоимений, слов в функции обращения и др. В этом усматривается связь с текстами заговоров, где в роли обращений выступали наименования фантастических существ, в своей основе – персонифицированных природных явлений. Не случайно, что функция обращения более всего свойственна именам со значениями «явления природы» и «понятия нравственной и интеллектуальной сферы».

В текстах с адресатами-нелицами часто фигурирует близкий к реальному автору Я-субъект, коммуникативная позиция которого – побуждение адресата к действию или вопрос, причём и то и другое остаётся на уровне риторических приёмов, поскольку осуществление этого действия адресатом-нелицом заведомо представляется читателю, понимающему этот приём как своего рода игру, невыполнимым. Если олицетворение выражается исключительно синтаксически, его троповость минимальна, потому что в порождаемом тексте представлении исходного понятия как лица отсутствует конкретность и создаётся некое обобщённое представление о живом, человеческом. В качестве такого рода примера можно назвать стихотворение Б.Ахмадулиной «Скончание черёмухи», текст которого представляет собой развёрнутое обращение к растению. При этом черёмуха характеризуется в основном со стороны впечатления, производимого на лирического героя, в то время как семантический план черёмухи-растения (а не лица) абсолютно преобладает.

Эффект тропа в большей степени ощущается в текстах, с достаточно чётко выраженным контрастом смысловых планов лица и нелица. В числе таких текстов много таких, в которых приписываемые нелицам предикаты, называют конкретные признаки людей или моделируют элементы их деятельности. По нашим наблюдениям, в текстах русских поэтов наиболее распространены предикаты-характеристики нелиц со стороны присущей людям внешности, родственных отношений, принадлежности к определённым профессиям, роду деятельности, качественной оценки и т. д. Референтам-нелицам в текстах часто приписываются и определённые мысли, устремления, речевые поступки и т. п. При реализации олицетворения в тексте разного рода характеристики нередко совмещаются, в результате чего образно-информативный потенциал текстов возрастает.

Существует известная координация между принадлежностью текстовых референтов к определённым семантическим группам и характером предикации. Можно констатировать, например, что предикаты, характеризующие человеческую внешность, более употребительны по отношению к понятиям растительного мира, например, названиям деревьев; а предикаты со значением возраста – к понятиям, связанным с природными и суточными циклами. Однако явно выраженная закреплённость семантически однородных предикатов за референтами определённых тематических групп не обнаруживается. Так, даже в относительно небольшой группе текстов с референтами «наименования месяцев» круг семантически различающихся характеристик оказывается достаточно широким. Здесь используются предикаты, указывающие на внешность: *декабрь – в калошах и в пенсне* (В.Цыбин), *март – в распахнутом пальто* (Л.Мартынов), *декабрь – в пенсне и каракулевой шапке* (Л.Мартынов); выражающие качественную оценку: *апрель – старый враль* (Я.Козловский), *март – белозубый, весёлый, гуляка, апрель – непоседа, несмышлёныш* (Л.Татьяничева); характеристики по дей-

ствию: *август – ищет рябину* (В.Цыбин), *март – несётся с авоськой* (А.Вознесенский). Следует заметить, что персонификация в текстах этой группы часто совмещается с метонимизацией, так как месяцам приписываются характерные для данных временных отрезков признаки людей: стиль одежды, настроение, род занятия и т. д.

В текстах, где в роли референтов используются понятия эмоциональной, интеллектуальной и нравственной сферы, а также слова, обозначающие психические и физические состояния, широта и разнообразие направлений и способов предикации оказывается весьма значительной. Это можно объяснить не только традицией, но и большой значимостью данных концептов в поэзии, где первостепенной задачей художника становится раскрытие своего внутреннего мира.

Приписываемая референтам этого рода позиция – это, как правило, позиция лиц, в чём-либо близких или антагонистичных лирическому герою, например: друга, врага, гостя, судьи, лица, призывающего или побуждающего к чему-либо, человека, связанного с лирическим героем родственными или семейными отношениями и т. п.

Об этом можно судить на основании следующих предельно сжатых смысловых формулировок: *совесть – глаз не опускает, шепчет, требует* (Э.Асадов), *клевета – пьёт кровь, считает обиды* (А.Ахматова), *одиночество – жестокий друг* (Э.Асадов), *мечта – гость* (В.Ходасевич), *разлука – черноокая, цыганка, разбойник, погромщик; любовь – с тобою не прощусь; долг – ты рыцарь, я – госпожа твоя* (М.Цветаева), *честность – стучится в дверь, гонит кривду* (С.Островой), *воспоминания – держат меня* (В.Цыбин), *ссора – хозяйка в доме, третий член семьи* (Р.Рождественский).

Аналогичную направленность осмыслений в русле реализуемого в тексте приёма олицетворения имеют наименования, связанные с возрастом человека, если внимание автора сосредотачивается на характерном для того или иного возрастного периода образе мыслей и эмоциональном состоянии. Например: *молодость – моя сестра, мой единомышленник, с которым жаль расставаться; молодость – сестра, смуглая, цыганка, любящая наряжаться плясать* (М.Цветаева), *старость – мой противник, вызываю её к барьеру* (Л.Татьяничева), *юность – чернобровая, меня обнимает* (В.Луговской).

Олицетворение слов отмеченной группы в некоторых текстах сводится к их обобщённой характеристике, которая даётся вне непосредственного отношения к лирическому герою, например: *счастье – смотрит пусто и легко, горе – не предаёт* (Е.Евтушенко), *незвездие – ведьма* (А.Вознесенский), *благородство – не любит красоваться* (Л.Татьяничева); *грех – прежде имел налёт благородства, теперь стал жуликоват* (Н.Матвеева).

Большой интерес представляет вопрос об особенностях реализации в текстах-тропах определённых приёмов семантической двуплановости. Выше отмечалось, что базовым признаком тропа является факт пересечения двух смысловых элементов (понятий, значений, смыслов), которые должны находиться в отношениях контраста, оппозиции, которая находит воплощение в выраженной языковыми средствами тропеической бинарме. Если на уровне тропеического словосочетания реализация для выражения смысловой двуплановости существует лишь один способ – пересечение (например *золото луны, змея воспоминаний, желторотый день*), то в более протяжённых фрагментах речи, включая тропеические тексты, помимо пересечения может использоваться приём включения. Суть включения – в том, что в контекст сравниваемого понятия помещаются смысловые элементы сравнивающего, не образующие тропеических оппозиций ни с чем, что может относиться к объекту сравнения.

Подобный приём можно наблюдать и во многих текстах-олицетворениях. Например, в стихотворении С.Острового «Как его ждали...» пшеница пьёт влагу пересохшим ртом, в тексте Л.Татьяничевой «баллада о сверчке» говорится о том, как сверчок, перед началом своего концерта, доставал смычок, в стихотворении Б.Ахмадулиной «Твой дом» говорится о том, что дом, встречая хозяина, целовал его в щеку, у Н.Тихонова в стихотворении «Жемчужных птичек перья...» дерево смеётся и подымает плечо. Во всех приведенные случаях в контексты нелиц включаются элементы, связанные только с признаками людей, которые сами по себе не находят аналогий в сравниваемом: нельзя, например, увидеть в пшенице что-либо похожее на рот и в поведении сверчка что-либо похожее на жесты музыканта.

Такие примеры можно расценивать как иллюстрацию усложнения троповости. Главный тропеический признак – смысловая контрастность – здесь остаётся, но обнаруживается она на уровне бинармы более высокого уровня, которой соответствует достаточно протяжённый текстовый фрагмент. Приметой таких бинарм становится асимметричность: отсутствие прямых уподоблений на уровне всех слов контекста.

В кругу исследованных нами текстов-олицетворений встречаются представители разных композиционных типов. Одним из распространённых является такой, где в первой композиционной части реализуется один смысловой план тропа, а во второй – другой. К таким текстам относятся «Талант и бездарь» Э.Асадова, «Туманы и туманности» Л.Мартынова, «Как много имён у любви...», «Последние листья, как искры...» Л.Татьяничевой, «Лесная быль» и «Верность» С.Острового и многие другие.

Опорными словами, или референтами в смысловых блоках часто становятся названия растений, птиц, животных и др., которые вступают в отношения со-противопоставления. В роли предикатов в подобных текстах используются элементы, разграничивающие сравниваемые понятия по внешним признакам, противоположным нравственным качествам, отношению, по выполняемым действиям и т.д. Так, в стихотворении Л.Мартынова «Туманы и туманности» моделируется типичная «человеческая» ситуация неравенства и взаимного непонимания: туманы ходят по земле, туманности реют в небесной мгле, туманы вызывают к туманностям, но туманностям не до них.

Распространены также тексты с несколькими относительно равнозначными референтами, которые становятся контекст-партнёрами в разных «человеческих» ситуациях. При этом референтно-предикатные тропеические группы часто оказываются разбросанными по всему тексту, не образуя сколько-нибудь чёткого композиционного рисунка. Среди таких текстов абсолютно доминируют стихотворения с референтами, которые относятся к миру природы. В качестве примера можно назвать текст стихотворения Н.Матвеевой «Лето», включающих ряд тропеических бинарм *на дорогу лопухи повыбрались, подорожник ... подошёл к дороге, одуванчик облететь нацелился, вечер дню шепнул о чём-то на ухо, облака подслушали, задумались*.

Характер композиционной организации текстов-олицетворений во многом определяется особенностями их коммуникативной структуры. Если, например, персонифицируемый предмет фигурирует в роли адресата, речь автора представляет собой монолог, в котором перечисляются приписываемые предмету-нелицу признаки. Таковы тексты «Родной язык» В.Брюсова, «Разговор с памятником» С.Острового, «Мумия» Н.Матвеевой и многие другие. Типовая композиционная схема подобных текстов следующая: обращение – местоимение ТЫ – перечисление признаков адресата.

Иногда монолог автора имеет форму ряда обращённых к нелицу вопросов. Таков, например, текст Н.Матвеевой «Определенья поэзии нет?», где в авторской речи содержатся альтернативные «догадки», потенциальные ответы на вопросы, что же такое поэзия.

Другой тип коммуникативной организации текстов-олицетворений основывается на участии в речевом общении обоих персонажей: автора и предмета-нелица, на их диалоге. Следует оговориться, что сам факт речи «неговорящих» персонажей, включающихся в ситуацию общения с автором, воспринимается как фантастический, что сближает подобные тексты со сказочными, однако здесь фантастичность неотделима от троповости, которая порождается пересечением семантических признаков, присущих лицу и нелицу.

На диалогах между автором и персонифицированным персонажем понятия строятся такие тексты, как «Париж» П.Антокольского, «В ядре» Л.Мартынова, «Воспоминания» и «Вопросы» В.Цыбина. Иногда такого рода диалог приобретает характер спора или полемики. Известны тексты, в которых в роли говорящих выступают разные персонифицированные персонажи без участия автора. Таковы, например, стихотворения «Дуб» Л.Мартынова и «Яблоня» С.Острового.

Исследование олицетворения как фактора организации поэтических текстов предполагает также выяснение отношения подобных текстов к функциональным типам (описание, повествование, рассуждение) и жанровым разновидностям. Исследованный материал пока-

зал, что наиболее распространённой текстовой формой реализации олицетворения являются такие, как описание и лирическое размышление. В большинстве случаев это тексты небольшого объема, представляющие лирический жанр в «чистом» виде. Однако немало и таких текстов, в которых обнаруживаются жанровые пересечения и взаимодействия. У ряда авторов мы находим стихотворения сюжетного характера, где присутствуют элементы сказки. На это нередко указывают заглавия, в которых присутствуют слова *сказка*, *приключения* и т.п. В качестве примера можно назвать текст стихотворения В.Цыбина «Сказка о дождике», где в образно-тропеическом плане воссоздаётся картина детства дождика, его взросления, а затем о его работе в качестве плотника, который застилает зелёным тёсом луга, красит крыши домов, забивает в ставни гвозди и т.д.

В ряде стихотворных текстов с преобладанием повествования сюжеты оказываются нетрадиционными, благодаря чему эффект троповости даже при отсутствии явного пересечения понятий сохраняется. Примером может служить стихотворение Л.Мартынова «Бакены», где данные предметы изображаются как уставшие за летний период навигаций и готовящиеся к длительному отдыху зимой. Иногда в подобных стихотворениях присутствует аллегория. Так, в тексте В.Высоцкого «Горное эхо» воспроизводится ситуация торжества зла над справедливостью, т.е. расправы с эхом за то, что оно откликалось на крик (было отзывчивым).

«Сказочность» подобных стихотворений может сопровождаться элементами авторской фантазии, что можно наблюдать, например, в тексте В.Цыбина «Сказочное», в котором описывается ситуация рассказывания детям сказок, сопровождающаяся приходом сказок в гости (сказки присаживаются рядом, греются на печи и т. д.). В данном тексте наряду с олицетворением усматривается приём метаморфозы на основе метонимической ассоциации: сказки сами превращаются в участников их слушания.

В стихотворении Е.Евтушенко «Приключения мысли» описан факт путешествия мысли по улицам города, где она бродит, набирается впечатлений и т.д. В этом примере, как и в предыдущем, наряду с олицетворением используется метаморфоза с эффектом гиперболы, перерастания яви в фантазию. В данном тексте можно усмотреть пример развёртывания устойчивой ассоциации «размышления – путешествия мысли» (ср.; растекаться мыслию по древу).

Известны также тексты, в которых олицетворение строится на модификации общеизвестных сказочных сюжетов. Так, в стихотворении С.Ботвинника «Доброта» приём персонификации доброты выливается в её уподобление Красной Шапочке: доброта шла по лесу, встречала людей страшнее Волка и т.д. В тексте стихотворения Е.Евтушенко «Золушка» в образе означенного персонажа выступает поэзия, которая стирает грязное бельё эпохи и др. В обоих текстах персонификация многократно подкрепляется метафорическими звеньями, где элементы изображаемой действительности уподобляются тем, которые представлены в соответствующих сказках.

Подведём некоторые итоги. Олицетворение как троп отличается от персонификации «нелиц» в жанре сказки наличием эффекта пересечения понятий. Реализуемый на уровне поэтических текстов приём олицетворения носит системный и моделированный характер. В числе текстовых референтов преобладают слова из семантических классов «явления природы», «растительный мир», «нравственные и интеллектуальные понятия», «предметы материальной культуры». Используемым в текстах-олицетворениях референтам присущи типовые наборы предикатов, из них наиболее распространены те, которые характеризуют референты-нелица со стороны человеческой внешности, отношений родства, рода деятельности, речи и др.

В реализации троповости текстов-олицетворений большую роль играют факторы коммуникативного и синтаксического характера. Механизм тропа-олицетворения часто основывается на включении в контекст сравниваемого элементов сравнивающего без наличия прямого уподобления.

Персонифицированные «нелица» часто выступают в тексте в роли контекст-партнёров Я-субъекта, близкого к реальному автору, выступая в позиции лиц, близких или антагонистичных авторскому «Я». В сфере текстов-олицетворений доминируют представители определённых композиционных типов. Достаточно распространены текстотипы, основанные на парности смысловых блоков с двумя доминирующими референтами, а также на полиреферентности.

В современной русской поэзии встречаются тексты-олицетворения, синтезирующие признаки разных жанров, в частности, лирического стихотворения и сказки. При этом могут использоваться дополнительные приёмы троповости.

Abstract. Personification texts of some Russian poets are studied in the paper. The awareness of personification as a trope and its specificity as a factor of text formation are shown.

Литература

1 Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–82.

2 Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика [Текст] / Ю. И. Левин // Язык русской культуры / Ю. И. Левин. – М., 1998. – С. 469–479.

Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступило 25.01.06

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ